

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия

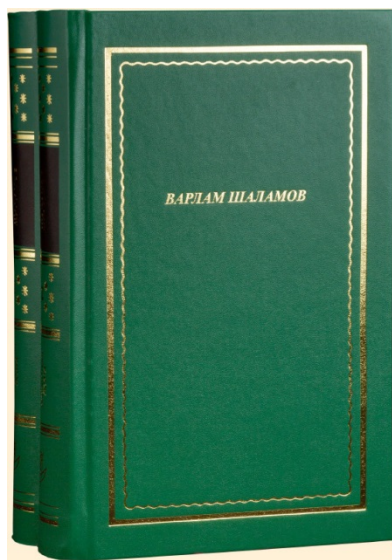
УДК 821.161.1

doi: 10.17223/19986645/75/19

В.Т. Шаламов: «Нет конца моему житию...»

Людмила Владимировна Егорова

*Вологодский государственный университет, Вологда, Россия,
lveg@yandex.ru*

Рецензия на книгу: Шаламов В.Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В.В. Есипова. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома : Вита Нова, 2020. (Новая Библиотека поэта)

Варлам Шаламов считал себя прежде всего поэтом, но при жизни в свет вышла малая часть урезанных цензурой стихотворений (1957–1970-е гг.). Данное академическое издание впервые в максимально возможной полноте представило Шаламова-поэта. В двухтомнике – 1 280 стихотворений и поэм, при этом около 450 опубликованы не были. Издание подготовлено В.В. Есиповым, автором многочисленных статей, книг, в том числе «Варлам Шаламов и его современники» (2007),

«Шаламов» в серии «Жизнь замечательных людей» (2012, 2019), «О Шаламове и не только: статьи и исследования» (2020).

Для цитирования: Егорова Л.В. В.Т. Шаламов: «Нет конца моему житию...»
Рецензия на книгу: Шаламов В.Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / вступ. ст.,
сост., подгот. текста и примеч. В.В. Есипова. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома :
Вита Нова, 2020. (Новая Библиотека поэта) // Вестник Томского государственного
университета. Филология. 2022. № 75. С. 366–375. doi:
10.17223/19986645/75/19

Review

doi: 10.17223/19986645/75/19

Varlam Shalamov: “My life-story has no end ...”
Book Review: Shalamov, V.T. (2020) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems].
In 2 volumes. St. Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma;
Vita Nova

Liudmila V. Egorova

Vologda State University, Vologda, Russian Federation, lveg@yandex.ru

Abstract. Varlam Shalamov valued his poetry above his prose, but during his lifetime only 300 poems were published, in their censored versions (1957–1970s). The two volumes under consideration include 1280 poems, 450 have never been published. This academic edition is the most complete collection of Shalamov's poetry to date. The poems are edited, introduced, commented by Valery Esipov, the author of numerous articles and books, including *Varlam Shalamov and His Contemporaries* (2007), *Shalamov in the Lives of Remarkable People* series (2012, 2019), *About Shalamov and Not Him Alone: Articles and Other Studies* (2020).

For citation: Egorova, L.V. (2022) Varlam Shalamov: “My life-story has no end ...” Book Review: Shalamov, V.T. (2020) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. In 2 volumes. St. Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma; Vita Nova. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 366–375. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/19

Трагизм жизненной и литературной судьбы Варлама Тихоновича Шаламова (5 (18) июня 1907 г., Вологда – 17 января 1982 г., Москва) не может не вызывать чувства глубокого сопереживания. С другой стороны, научное исследование требует контролирования эмоций и воссоздания объективной картины творческого пути художника во всех его трудностях и противоречиях. Тем более когда речь идет об академическом издании в серии «Новая Библиотека поэта», важнейшими качествами которого являются scrupulous выверенность авторских текстов, предельная точность комментариев и примечаний, методологическая и историко-литературная основательность концептуальных выводов. В рецензируемом издании найденный вариант сочетания этих начал представляется мне оптимальным.

Для многих представителей молодого поколения, привыкших видеть в Шаламове прозаика, автора всемирно известных «Колымских рассказов», его существование в ипостаси поэта может стать открытием. Однако сам Шаламов считал себя прежде всего поэтом, и в этом, по мнению В.В. Есипова, заключается особый драматизм литературной судьбы писателя и ее восприятия. О начале творчества в «Четвертой Вологде» Шаламов вспо-

минал так: «Я начинал со стихов: с мычания ритмического, шаманского покачивания»¹ [1. Т. 1. С. 7]. И со стихами он уходил из жизни. И.П. Сиротинская фиксировала с трудом им произносимое в Доме инвалидов: «Я на бреющем полете / Землю облетаю, / И тщиеты земной заботы / Я теперь не знаю». Последняя запись была сделана ею 30 декабря 1981 г.: «Вкруг дома ходят голуби, / Не птицы – пешеходы, / Уставшие от голода, / От пасмурной погоды. // И все же в миг опасности / Они взлетают в небо, / Где много больше ясности / И много меньше хлеба» (вариация стихотворения «Голуби» 1957 г.) [1. Т. 2. С. 550]. К этой своеобразной поэтической «закольцованности» жизни автора привлек внимание во вступительной статье В.В. Есипов, и она символична.

Ранние архивы Шаламова были уничтожены. Первый, сложившийся до ареста в 1929 г., – сестрой Г.Т. Шаламовой-Сорохотиной. Вторым – до ареста в 1937 г. – женой Г.И. Гудзь: в огонь пошли три тетради – более сотни стихотворений, предназначенных для подготовленного сборника. Утрата стихотворений 1920–1930-х гг. не позволяет проследить процесс поэтического становления Шаламова, но исследователь сделал все возможное для воссоздания максимально полной картины.

Главным своим поэтическим трудом Шаламов считал «Колымские тетради» – шесть сборников, созданных частично во время пребывания на Дальнем Севере, частично – после него. Данное издание впервые предоставляет возможность увидеть творческий путь Шаламова не только с этой вершины («Колымские тетради» закономерно открывают первый том), а начиная с более раннего времени. Во втором томе приведена пара сохранившихся юношеских стихотворений (в первом – явное подражание С. Есенину). Там же помещен первый сборник послелагерных стихов «Ключ Дусканья» (1949–1950). Стихи создавались во время работы Шаламова фельдшером лесозаготовительного участка на ключе (речке) Дусканья. В феврале 1952 г. тетради с секретной оказией были посланы Б. Пастернаку, и в декабре Шаламов получил строгий разбор стихов. В.В. Есипов произвел бережный отбор (115 стихотворений из 169) «...с целью представить наиболее полную картину первого послелагерного лирического “всплеска” Шаламова со всеми его достоинствами и слабостями, во всем его тематическом многообразии и с начальными трудностями в поиске формы» [1. Т. 1. С. 467]. Справедливо отмечена характерная для Шаламова философичность, опирающаяся «на предметную реальность – прежде всего на суровую северную природу и постоянный поиск в природе, в каждом ее проявлении, аналогий со своей судьбой и человеческой судьбой в целом» [1. Т. 2. С. 558].

Следующее большое открытие второго тома – произведения 1952–1953 гг. из так называемых «якутских тетрадех», относящихся к периоду жизни близ Оймякона. Именно здесь были написаны стихи «синей тетради»

¹ Здесь и далее цитирую по рецензируемому изданию.

ки», врученные Пастернаку при встрече в Москве 13 ноября 1953 г. и высоко им оцененные: «Я никогда не верну Вам синей тетрадки... Пусть лежит у меня рядом со вторым томом алконостовского Блока» (цит. по: [1. Т. 1. С. 468]).

Из не вошедшего в «Колымские тетради» В. Есипов отобрал более 40 стихотворений, в том числе посвященные И. Анненскому, Б. Пастернаку, поэму «Вагонные стихи», написанную на пути из Иркутска в Москву в ноябре 1953 г. Удивительно, что столь глубокие стихи так долго оставались в рукописях. Например, это: *У меня судьба одна, / Знаю сам, / Что возьмет меня со дна / К небесам. // Если были бы пути / Не во мгле, / Не пришлось бы мне пройти / По земле* (№ 1206). Большой внутренней драмой поэта было ощущение себя, великана, в историческом времени: *...И потолки все низки, и тесны башмаки, / И душу ты не втиснешь / В журнальные стихи* (из № 1252). В рукописях остались не только «крамольные» с точки зрения цензуры стихи с лагерными мотивами, но и пронзительные лирические строки: *Нам лжет весенняя трава / И лжет апрельский лед. / И лгут мечты, и лгут слова, / И лжет любимый рот* (№ 1216).

Таким образом, мощные пласты вновь открытого поэтического дневника Шаламова представили предшествующий «Колымским тетрадям» этап его творчества.

О колымском периоде творчества было известно, но и здесь мы испытываем благодарность В. Есипову за описание архива Шаламова в ЦГАЛИ (РГАЛИ), приведенную хронологию публикаций. Первые стихи напечатали в 1957 г., когда Шаламову было 50 лет. При жизни вышло около 300 стихотворений – в периодике (прежде всего, в журнале «Юность») и в пяти книгах: «Огниво», 1961; «Шелест листьев», 1964; «Дорога и судьба», 1967; «Московские облака», 1972; «Точка кипения», 1977. Посмертно «Советский писатель» выпустил сборник «Стихотворения» (1988), куда вошел ряд стихов, отвергнутых в свое время издательством (В. Фогельсон, редактор-составитель, с 1961 г. занимался подготовкой всех сборников Шаламова). Тогда же, во второй половине 1980-х гг., стали печататься произведения Шаламова, хранившиеся в РГАЛИ (правонаследница Шаламова Сиротинская опубликовала ряд подборок стихов в «Новом мире», «Знамени», «Юности»), а также у частных владельцев рукописей и машинописных копий (библиография первопубликаций включена в состав примечаний).

В 1994 г. Сиротинская опубликовала полный текст «Колымских тетрадей» (465 стихотворений), включив в состав примечаний авторский комментарий. В 1998 г. ею подготовлен четырехтомное собрание сочинений Шаламова, где третий том – поэтический (683 стихотворения). Содержание третьего тома было сохранено в шеститомном (2006) и семитомном (2013) собраниях сочинений Шаламова. В дополнительный седьмой том (составители И. Сиротинская, В. Есипов, С. Соловьев) вошли еще 160 стихотворений. Тем не менее массив неопубликованных поэтических произведений в фонде Шаламова в РГАЛИ продолжал оставаться обширным.

Проделав колоссальный труд, В. Есипов представил в двухтомнике 1 280 стихотворений.

Работал исследователь и с магнитофонными записями авторского чтения стихов. Первая, от 16 июля 1961 г., была сделана на квартире друга детства Е.А. Алова в Ленинграде (7 стихотворений). Вторая записана в 1967 г. в Москве на квартире подруги Н.Я. Мандельштам Н.В. Кинд-Рожанской (около 100 стихотворений). Эта запись хранилась в Государственном литературном музее и была скопирована для музея Шаламова в Вологде. Среди сотни стихотворений, прочитанных поэтом, В. Есипов обнаружил 27 сочинений, рукописи которых не сохранились, а сами они ранее не публиковались.

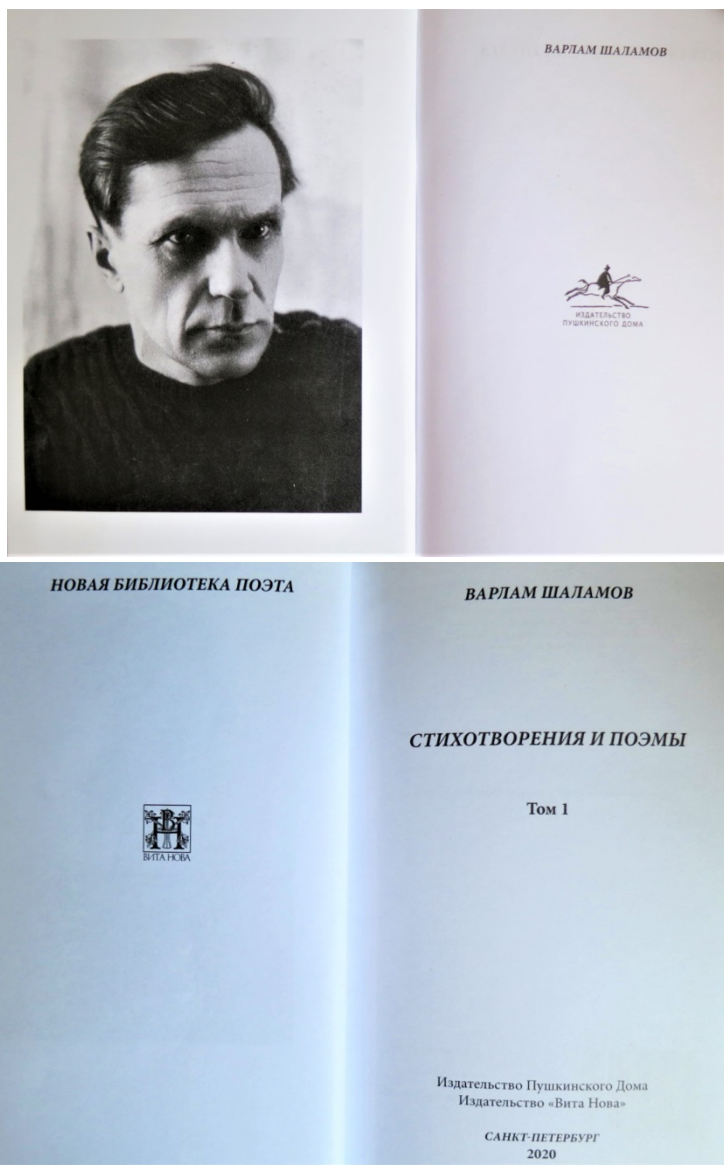
Именно в звуковых версиях 1967 г. оказались последние авторские редакции стихов. Изменений в записанные автором тексты Есипов не вносил – зафиксировал их в качестве вариантов. Шаламов считал, «что первый вариант самый лучший <...> Как бы квалифицированно ни отделялось стихотворение – первый вариант всегда остается самым искренним – и притом единственной формулой автора для времени создания стихотворения, отвечающей его настроению, миропониманию, философии...» [1. Т. 1. С. 459]. На практике мы видим множество примеров кардинальной переделки, отсюда и указания на двойные даты: год начала работы над стихотворением и год завершения.

Характеризует исследователь и машинописные копии стихов (содержащие иногда небольшую правку): наряду с беловыми автографами они являются источниками авторского текста. Именно так представлены в архиве «Колымские тетради». Исследователь обнажает символизм датировки подзаголовка книги «(Стихи 1937–1956 гг.)»: 1937-й – год «большого террора» в личной шаламовской и общей исторической памяти; 1956-й – год XX съезда и реабилитации Шаламова. Реальной начальной датой создания книги является 1949 г. Финал следует отодвинуть на 10 лет. В 1956 г. в рукописях были сформированы три первых сборника («Синяя тетрадь», «Сумка почтальона», «Лично и доверительно»), три следующих («Златые горы», «Кипрей», «Высокие широты») оставались в набросках, с другими вариантами названий (см.: [1. Т. 1. С. 460]). Окончательное завершение, учитывая текстуальные правки, перепечатку шести сборников в единую машинопись и ее сверку, приходится на 1965–1966 гг. [1. Т. 1. С. 461]. Исследователь напоминает, что в августе 1966 г. Шаламов пишет Вяч.Вс. Иванову о «приготовленном небольшом подарке» («Я переплел свои колымские стихи...») и подписывает переплетенный экземпляр машинописи Л.Е. Пинскому («Дорогому Леониду Ефимовичу с глубокой симпатией – эти колымские стихи, шесть тетрадей...») [1. Т. 1. С. 463].

С датировкой стихотворений Шаламов помог сам, когда летом 1969 г. приводил в порядок свое огромное поэтическое «хозяйство» [1. Т. 1. С. 463]. Осмысляя поэтический опыт в цикле эссе, важнейшее из которых – «Кое-что о моих стихах», он оставил авторский комментарий к стихам – опубликованным или предполагавшимся к публикации: даты, обстоятельства сочинения, пояснения о редакционно-цензурных изъятиях, размышления о поэтическом ис-

кусстве. Принципы и сложности датировки не охваченных автокомментарием стихотворений сформулированы В. Есиповым в примечаниях.

В первом томе рецензируемого издания кроме «Колымских тетрадей» представлены стихотворения 1940–1956 гг., туда не вошедшие. Второй том следует хронологии: стихотворения 1957–1959, 1960-х, 1970-х гг. и последние стихи (1980–1981). Кроме уже упомянутых юношеских стихотворений во второй том включены шуточные стихи и эпиграммы, переводы из Хаима Мальтинского, сделанные по подстрочнику с идиш.

«Другие редакции и варианты» сопровождают оба тома, при этом небольшие варианты отражены непосредственно в примечаниях к каждому стихотворению. Примечания начинаются с текстологических и библиографических пояснений (указание первой публикации с фиксацией редакционных изменений текста, архивного источника текста, беловых автографов). Дан реальный комментарий, пояснены реминисценции; например, у опубликованного впервые стихотворения под № 869 воспроизведены вычеркнутые Шаламовым первые две строфы: *Державинским примером / Когда-то увлечен, / Я был горяч не в меру / Все было ничем. // Но я не пел Фелицу, / Не пел ее, зане, / Другие были лица / В ужасном этом сне* [1. Т. 2. С. 514]. Стихотворение началось традиционной для исторической поэтики метафорой переплетения, при этом она и индивидуально-авторская, новаторская: характерно северная, интертекстуальная: *Поток словесной ткани, / Уток для прялки – льды, / Державинских исканий / Забытые следы...*

Указано, что в шаламовском списке стихотворение с заглавием «Державинским примером» отнесено к 1968 г. Дана смелая мысль из записной книжки 1966 г.: «Державин – отец акмеизма». Пояснены строки: *Он в пугачевском бунте / Судьбу свою искал...* – В 1773–1774 гг. Державин принимал участие в подавлении пугачевского восстания, карательных экспедициях и дознании по делу бунтовщиков. *Урал-река* – Шаламов имеет в виду свое пребывание на северном Урале, в Вишерском лагере. *Пушкинские были.* – Упоминание Пушкина связано с поездкой последнего по местам пугачевского восстания в 1833 г. для сбора материалов к «Истории Пугачева» [1. Т. 2. С. 514–515]. Аналогичным образом многие примечания несут открытия и могут стать началом следующих исследований.

Особо оговорю, что составитель впервые восстановил стихотворные циклы Шаламова, посвященные Пастернаку («Стихи к Пастернаку. На похоронах»), Цветаевой (цикл из стихотворений разных лет), Ахматовой. Отмечено и то, что обращение к ним не ограничилось циклами. Вспомним четверостишие 1973 г. (в сентябре 1972 г. Шаламов получил комнату неподалеку от посольства Чехословакии в СССР): *Чехи – колыбель славянского рода, / По-славянски мягка их природа. / Истеричный цветаевский крик / Не годится на чешский язык* (комментарий к стихотворению см.: [1. Т. 2. С. 533]).

Вступительная статья предельно информативна, отличается ясностью в понимании творческой индивидуальности, освещении проблем поэтического творчества, эпохи. В данном издании В. Есипова закономерно интересовало «первородство» поэзии Шаламова. Здесь нет превознесения героя – есть исследование: «...стихи (пусть даже отчасти несовершенные) раскрывают внутренний мир и душевные переживания человека, художника и мыслителя – а значит, и его судьбу – с наивысшей обнаженностью» [1. Т. 1. С. 11].

Исследователем продуктивно поставлена проблема рассмотрения «природного поэтического склада личности Шаламова», «поэтической первоосновы его творчества», принадлежности его к «универсальному типу художников – поэтов-прозаиков с поэтической доминантой» [1. Т. 1. С. 8].

В эссе «Поэт и проза» на рубеже 1950–1960-х гг. Шаламов отмечал единство пути поэта и – темы его жизни, высказываемой то в стихах, то в прозе: «Это не две параллельные дороги, а один путь. К тому отрезку пути, который пройден прозой, автор уже не вернется в стихах» [1. Т. 1. С. 8].

И в обширной вступительной статье (65 страниц), и в примечаниях (около 150 страниц) приведены отзывы современников (Б. Пастернака, Б. Слуцкого, Г. Адамовича (опубликовал рецензию на стихи в парижской «Русской мысли» в 1967 г.), Вяч.Вс. Иванова, С. Лесневского, И. Ростовцевой и др.), названы исследовательские работы. Обратим внимание на точную формулировку художественной особенности стихов Шаламова – «тихое новаторство» (из рецензии ленинградской поэтессы Е. Дунаевской в журнале «Звезда» за 1979 в № 2) [1. Т. 1. С. 42]. Это подтверждает проделанный исследователем анализ особенностей формы шаламовского стиха, его излюбленных размеров и тропов, со стремлением к максимальной плотности и с обязательным присутствием «звукового прищелкивания», без которого, по Шаламову, стихи не бывают стихами.

После первого «разрешенного» вечера памяти Шаламова в 1988 г. Ф. Искандер справедливо говорил об «удивительно спокойном тоне его классических стихов»: «Все переплавилось в высокое мудрое спокойствие, в тонкий графический рисунок, в суровое жизнепритие, я бы сказал. Не отталкивание от жизни, не проклятие ей, а жизнепритие во всей ее суровости...» [1. Т. 1. С. 69]. Стихи Шаламова, действительно, классичны. Он ориентировался на лучшие образцы пейзажно-философской лирики XIX в., на Баратынского, Тютчева, Фета – и в то же время считал себя наследником И. Анненского, Серебряного века. Почему Шаламова обошли стороной искания, скажем, Мандельштама, раннего Заболоцкого, обэриутов – можно догадываться: с тридцати почти до пятидесяти лет он был в неволе. Шаламов признавался с жестокой откровенностью: «Дальний Север <...> изуродовал и сузил мои поэтические интересы и возможности» [1. Т. 1. С. 10]. Надеюсь, мысль, что «застывшая» на колымских морозах приверженность классике, классическому стиху обернулась достоинством, не покажется кощунственной. «Художественное дитя 1920-х годов, он [Шаламов] был законсервирован почти на четверть века (с небольшим перерывом) в лагерной неволе и с новой силой восстал в другое время, где оказался не ко двору...» [2. С. 95].

Сопоставляя богатый язык Мандельштама со своим, Шаламов отмечал: «Мой язык обеднен и <не только> на целое двадцатилетие отстранен от живой поэтической мысли, но и самый мозг иссушен голодом. Я не знаю, какой язык нужен. Я пользуюсь тем языком, которым могу, а не выбираю, не отбираю, избегая, может быть, цветистости» [1. Т. 1. С. 10].

Его главные принципы: «Устраняется, выжигается огнем все, что может читателю напомнить стихи другого поэта»; «...я не вижу возможности усложнять свои стихи» [1. Т. 1. С. 27]. Ко второму он добавил: «Мне кажется, усложнение будет погрешкой для моей темы, слишком важной,

чтобы разменять ее на украшения. Звуковая опора моих стихов надежна» [1. Т. 1. С. 27].

Он точно запечатлел собственную специфику. *У меня чувствительность другая...* («Осязание», № 566). И – колоссальный объем восприятия: *Чтоб сигналы всей планеты, / Все пространство, все века / Уловила рифма эта, / Зарожденная строка* («Некоторые свойства рифмы», № 580). Именно укрепленная в поднебесье рифма становится инструментом его метафизического поиска (№ 580). Когда Шаламов говорит о рифме как «поисковом инструменте», обращаешь внимание на то, что он избегает этого слова – «метафизический»: «В тот неизмеримо малый миг, когда мозг поэта ищет рифмы, с помощью этого рычага в мозгу поэта пролетают миллионы сочетаний – миры исторический, физический...» [1. Т. 1. С. 457–458].

Язык стихов для него – «язык универсума, где каждое явление природы, человеческой жизни находит возможность высказаться самым убедительным образом...» [1. Т. 2. С. 459]. «Возможно, любым стихотворением, которое пишется, можно из природы и больше получить – глубже, шире, тоньше найти ответы...» [1. Т. 2. С. 459]. Он находил свои намеки грубыми, аллегории – простыми (№ 598, 606), но его образность – метафизическая. *Я верю: при косноязычье природы / Обмолвками молний показаны мне / Зигзаги путей в высоту небосвода / В покойной и праздничной тишине. // И будто всегда меня уносила / В уверенный сказочный этот полет / Молений и молний взаимная сила, / Подвального свода сломав небосвод* (из № 711). (Отмечу сложность шаламовского отношения к Богу на материале поэзии – тему интереснейшего и масштабного исследования.)

Вслушиваясь в слова и строки, понимаешь, что их смыслы нередко начинают раздваиваться и даже утраиваться: *Наш спор – о свободе, / О праве дышать, / О воле Господней / Вязать и решать* (из № 263). В комментарии относительно последней пары глаголов приведен созвучный стих 18:18 из Евангелия от Матфея: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, будет разрешено на небе». Отвлекаясь от евангельского контекста, вспоминая судьбу писателя и представляя такое чтение вслух (большая буква в слове «Господней» становится неочевидной и допускается иное интонирование последней строки), осознаешь, что в глаголах «вязать и решать» проступают и другие смыслы – жаргонно-уголовные и политические. Анализируя перевод на английский Роберта Чандлера, Леона Токер расслышала в «решать» значение «порешить», связанное с убийством. Слушая ее доклад на конференции, Елена Толстая обратила внимание и на противоположное значение – решение отпустить заключенного [3. Р. 375]. В переводах Роберта Чандлера на английский метафизичность Шаламова усиливается.

Читая это издание, ощущаешь большой задел для многочисленных исследований по темам: Шаламов и Библия, Шаламов и русские поэты XIX в., Шаламов и поэты Серебряного века, Шаламов и советские поэты, Шаламов и зарубежная литература (Данте, Шекспир, Андерсен, Мелвилл, Джек Лондон, Кафка). В примечаниях остались «стихи-калеки», «стихи-

инвалиды», как называл Шаламов стихотворения, правленные редакторами-«лесорубами». Начинаешь надеяться, что досрочно сбудется столь понятное желание Варлама Тихоновича: «Я хотел бы даже работы по связи моих стихов с прозой, но такой работы в наших условиях придется ждать сто лет» (из письма А. Кременскому, 1971 г.) [4. С. 581]. Валерий Васильевич Есипов приблизил эту возможность.

Список источников

1. Шаламов В.Т. Стихотворения и поэмы : в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В.В. Есипова. СПб. : Издательство Пушкинского Дома : Вита Нова, 2020. Т. 1. 591 с.; Т. 2. 640 с.
2. Есипов В. Шаламов. М. : Молодая гвардия, 2012. 346 с.
3. Toker Leona. On Robert Chandler's Translation of Varlam Shalamov's Poetry // Toronto Slavic Quarterly. 2014. № 47. P. 368–377.
4. Шаламов В.Т. Собрание сочинений : в 6 т. + 7 т. доп. М. : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 6. 603 с.

References

1. Shalamov, V.T. (2020) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. In 2 volumes. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma; Vita Nova.
2. Esipov, V. (2012) *Shalamov*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
3. Toker, L. (2014) On Robert Chandler's Translation of Varlam Shalamov's Poetry. *Toronto Slavic Quarterly*. 47. pp. 368–377.
4. Shalamov, V.T. (2013) *Sobraniye sochineniy: v 6 tomakh + 7 tom dopolnitelnyy* [Collected works: in 6 vols + additional Vol. 7]. Vol. 6. Moscow: Terra: Knizhnyy Klub Knigovvek.

Информация об авторе:

Егорова Л.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия). E-mail: lveg@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.V. Egorova, Dr. Sci. (Philology), professor, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: lveg@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.01.2021;
одобрена после рецензирования 07.07.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 26.01.2021;
approved after reviewing 07.07.2021; accepted for publication 09.04.2022.*